

ОЛЛИ ВИНГЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В48

Художественное оформление
Марины Козинаки, Веры Голосовой

Вингет, Олли.
В48 Сестры озерных вод : роман / Олли Вингет. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2019. — 352 с. — (Ведьмин сад).

ISBN 978-5-17-112347-5

Если ты потерялся в лесу, то кричи. Кричи что есть сил, глотай влажный дух, ступай на упавшую хвою, на гнилую листву и зови того, кто спасет тебя, кто отыщет и выведет. Забудь, что выхода нет, как нет тропы, ведущей из самой чащи леса, если он принял тебя своим. Кричи, откуда силы в тебе не иссякнут. Кричи и дальше, пока не исчезнешь. Пока не забудешь, куда шел и зачем бежал. Пока сам не станешь лесом.

«Сестры озерных вод» — первая часть мистической истории рода, живущего в глухой чаще дремучего леса. Славянский фольклор затейливо сплетается с бедами семьи, не знающей ни любви, ни покоя. Кто таится в непроходимом бору? Что прячется в болотной топи? Чей сон хранят воды озера? Людское горе пробуждает к жизни тварей злобных и безжалостных, безумие идет по следам того, кто осмелится ступить на их земли.

Но нет страшнее зверя, чем человек. Человек, позабывший, кто он на самом деле.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5 -17-112347-5

© Олли Вингет, 2018
© Марина Козинаки, Вера Голосова,
художественное оформление, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

О чем ты шумишь ночами, мой лес,
Ты — мой господин?
С тобою нас обвенчали на долгие дни печали.
И больше ты не один.

Озеро было безмолвно. Ветер лениво играл с водой, и гладь ее шла мелкой рябью, не тревожа бездны. Казалось, все кругом сковал глубокий сон. В воздухе разлилась безудержная дрема. Не было слышно ни шепота листьев, ни плеска у берегов, ни крика птицы. Тишина эта и покой, бескрайние и плотные, больше походили на смерть, чем на отдых.

Озеро спало. Спало так долго, что некому было рассказать о том, что творилось, когда оно бодрствовало. Давно уже сгнили в земле те, кто приходил к его берегам, обнажая тела и души, чтобы славить Хозяина. Принося ему жертву, прося о благословении. Не было их, не было их сыновей, не было сыновей их сыновей. Ничего не было.

И только белые лебеди — тонкие, с длинными шеями и драгоценными бусинами глаз, — опускались на гладь, медленно склоняя головы к воде. Утолить ли жажду, поприветствовать ли того, кто спит на далеком дне, — кто разберет?

Они прилетали из-за леса. Белоснежные перья — как легкие локоны, хоть в косы заплетай, алый клюв — нежные уста молодой красавицы. Они рассекали воду грудками, ласкали ее крыльями, а после срывались в воздух без плеска и гомона, чтобы улететь прочь, за высокие деревья.

Так было всегда. Но не в этот раз.

Шесть теней появилось над границей лесных крон. И чем ближе они подлетали к озеру, тем светлее становились. В высоком небе, стремительно темнеющем, они были

словно шесть отблесков лунного света. Саваном мерцали их скорбные перья.

Когда первая лебедушка прикоснулась к озерной глади, вода обняла ее, приветствуя, как возлюбленную, как молодую невесту, как желанную женщину. Ее товарки заскользили по легкой ряби, склоняясь к воде так нежно, будто целовали милого друга.

Не успел закончиться первый круг, не успело солнце спрятаться за лесом, как лебедушки замерли, вытянули длинные шеи, всматриваясь в даль. Тянулся миг, тянулся другой. А на третий в небе появилась седьмая сестра. Черная, будто смоль.

Натянутая, как струна, она спешила к озеру из последних сил, а когда опустилась на воду, белые лебедушки нежно заворковали, стремясь коснуться сестрицы.

Они заключили ее в кольцо, они кружились, они приветствовали ее, они ждали вестей. И вести эти стоили всех ожиданий.

ОЛЕСЯ

Если лежать, сильно зажмурившись, то мир за границей век теряет реальность. Да и важность тоже. Там могут оказаться просторная комната с васильковыми обоями и кованой мебелью, мрачная палата с мягкими стенами, и просыпающийся город, и обшарпанный гостиничный номер, и поблескивающая в отсветах диско-шара барная стойка. Словом, все, что душе угодно. Эта неизвестность всегда казалась Олесе странно успокаивающей.

Она любила замирать в складках одеяла, как только будильник начинал новый день, и представлять, что за ночь ее тело чудесным образом сбежало от всех проблем. И стоит только открыть глаза, она в этом убедится. Глаз Леся не открывала, зная, что чудес в ее жизни не бывает. Когда в комнату заходила мама — чуть рассеянная, всегда опаздывающая, по капле теряющая молодость и красоту, — веки все-таки приходилось поднимать, чтобы увидеть перед собой линялый ворс ковра, а никак не волшебную страну, о которой так отчаянно она мечтала.

Лесе вспомнилось, как страдальчески вздергивались тонкие мамины брови, как она вскидывала руки, повторяя и повторяя:

— Олеся, ты опоздаешь... Олеся! Просыпайся, ты опоздаешь, Олеся!

И как от голоса этого, мельтешения вечного к горлу подкатывало раздражение.

Воспоминание было едким, оно дрожало в голове, разливалось внутри тяжелой болью. Так темная вода плещется на дне кувшина, стоит наклонить его в сторону. Когда к раздражению прибавилась тошнота, Олеся открыла глаза. Моргнула, прогоняя мутную пелену. Вокруг был лес. Деревья переплетались ветвями, склонялись к покрытой мхом земле, шелестели листвой. Олеся моргнула еще раз, надеясь, что картинка исчезнет, как дурацкая передача от клика пульта. И медленно опустила веки.

Теперь в ней билось не раздражение, а страх. Полное, тотальное непонимание. Она медленно втянула воздух, задержала дыхание и так же медленно выдохнула. В голове промелькнул образ просторного светлого зала. Подтянутые фигуры, пестрые ткани, мягкие коврики. И голос — тягучий, обволакивающий голос, просящий вдыхать и выдыхать. Так неспешно, как неспешно хочется жить. Настолько медленно, чтобы умирание, от которого никому никуда не деться, перестало пугать и тело, и разум.

— Просто дышите. В этом обретается главная мудрость, — напевно тянул голос, медленно растворяясь в памяти.

Леся попыталась ухватиться за это воспоминание, но оно уже исчезло, пропало, будто его и не было. Голову словно заполнил густой кисель. Мерзкий, с комочками крахмала и химозным красителем. Леся могла вспомнить долгое мучнистое послевкусие, но где и когда ей приходилось пить эту гадость — нет. Кажется, в детском саду. Страх стал еще отчетливее.

В нос ударил влажный землистый аромат. Леся тяжело сглотнула, в пересохшем горле будто поскребли наждачной бумагой. Все тело ломило, как после высокой температуры. Кожа казалась воспаленной и тоненькой, того и гляди лопнет. Но источник боли прятался чуть выше левого виска. Именно там она пульсировала, то утихая, то накатывая и разбегаясь мутными волнами.

Леся попыталась пошевелиться, но затекшая рука, на которой она лежала, не слушалась. Где-то высоко шумели кроны деревьев. Этот звук, похожий на шепот прибоя, убаюкивал. Свежий ветерок приятно охлаждал кожу. Пахло травой и землей. В бок упиралась острая веточка. Каждое ощущение было таким подлинным, таким ярким, упоительно настоящим, что не верить в его реальность значило не верить и в свою собственную.

Но всего этого просто не могло быть.

Паника разгоралась подобно голодному огню. Олеся попыталась собрать мысли в единый комок, но они растекались густым киселем. Вспомнить, кто же заставлял ее пить розоватую жижу, когда было это и, собственно, было ли, не получалось. Чтобы не закричать, Леся до боли закусил губу. Если она и правда в лесу, заявлять о своем присутствии — плохая затея.

Олеся сделала еще один вдох и снова открыла глаза. Все те же деревья, все та же мрачная хвоя и зелень листвы. Лес равнодушно поглядывал на лежащую во мху, поскрипывая и шурша.

«Смешанный», — пронеслось в голове, и мысль отдалась тупой болью.

Олеся заставила себя приподняться. Рука двигаться не хотела. Острые иголки пронзали кожу, пробегали по ней и снова возвращались, когда Олеся наконец сумела перевернуться и вытащить из-под себя безжизненную бледную кисть.

Пальцы слушались с трудом. Шипя сквозь зубы, она заставила их пошевелиться, потом сжала в кулак и медленно разжала. Оказалось, если сосредоточиться на чем-то одном, остальное уже не так важно. Но стоило руке обрести чувствительность, как саднящая боль у виска снова дала о себе знать. Леся потянулась к голове, пальцы нащупали что-то холодное и вязкое.

В неверном свете, пробивавшемся сквозь листву, кровь казалась почти черной. Но это точно была она. Леся медленно поднесла пальцы к губам. Во рту сразу стало солоно. Воспоминания завертелись, словно клубок ускользающей из пальцев пряжи: вот она с головой окунается в синюю-синюю воду, и соль тут же начинает скрипеть на зубах, а рядом кто-то смеется. Она поморщилась, пробуя ухватиться за образ, раскрутить его дальше, понять, что за море это было, когда его волны принимали Лесю в себя и кто вытаскивал ее наружу.

Но все ускользнуло, и соленая вода снова превратилась в мерзкий кисель.

«Клубничный». — Воспоминание вспыхнуло, как молния в ночном небе.

Кисель был клубничный. Вязкий, с крахмальными комками, пить его заставляли в садике с табличкой «Василек» возле красной двери. Водила Лесю туда бабушка, единственная работающая бабушка во всей группе — деятельная, с морщинистыми руками. И так, из одних рук в другие, Олеся каждый день попадала в плен манной каши, киселя и послеобеденного сна. Садик она, конечно, ненавидела. Но молчала, чтобы не расстраивать маму. Та обещала, что будет забирать ее пораньше, но каждый раз опаздывала. И всю дорогу домой молча тащила за руку через облезлый сквер, отделяющий сад от их девятиэтажки.

Картинки обрушились на Лесю, словно лавина. И мама в желтом плаще, и кисель, едко пахнувший клубничным ароматизатором, и сквер этот с прелой листвой и скрипучим песком.

Она застонала и прижала ладонь ко лбу. На коже остались кровавые отпечатки. Голова болела отчаянно, солнечный свет, пробивавшийся через кроны деревьев, тускнел. Леся бессильно опустила на землю. Стало холодно. По плечам

побежали мурашки. Нужно было попытаться встать, оглядеться, понять, как она оказалась здесь и что теперь делать, но Леся никак не могла заставить себя пошевелиться.

Медленно погружаясь в сон, она словно опускалась глубоко под воду. Не морскую, где движение и соль придают сил, а в стоячий, уснувший омут. Все глубже и глубже. Не чувствуя, как мертвенная синева заливает губы и как твердеет в корку запекаясь на виске кровь. Ветер скользнул по влажной коже, запутался в растрепанных волосах, приподнял подол длинной рубашки, и без того слишком большой, будто снятой с чужого плеча. Но и его холодные прикосновения не отрезвили. Леся плотнее прижалась грудью ко мху, втянула сосновый запах опавшей хвои и позволила сознанию неспешно ускользнуть еще дальше.

— Пошла! — Голос, сотканный из завываний ветра, заставил ее распахнуть глаза.

Небо успело стать непроглядно черным. Олесю обступал ночной, взволнованный бурей лес. Она рывком поднялась с земли, слабые ноги задрожали, перед глазами все поплыло.

— Пошла! — Порыв ветра наклонил тонкий молодой ствол березки, ветки зашуршали совсем близко, будто желая до нее дотянуться.

Олеся рванулась в сторону, в голове затрепетало пламя боли, пока еще слабое, но готовое разойтись в настоящий пожар, способный сжечь все, к чему прикоснутся его жадные языки.

— Пошла! — Ветер неистовствовал, шумели кроны, переплетались ветвями, подгоняли окаменевшую от страха Лесю.

Дурацкая рубашка, пропитанная влажностью мха, облепила ноги. Леся наклонилась, чтобы одернуть ее, удивилась было, откуда вообще взялась у нее эта грубая ткань странного кроя, но боль полыхнула, заполняя собою все пусто-

ты, прогоняя мысли. Порыв холодного ветра ударил Лесю в грудь, пыль, которой он щедро осыпал ее с головы до ног, запорошила глаза. Не видя ничего вокруг, Олеся подхватила подол рубашки и побежала, не разбирая дороги.

Ветер гнал ее, завывая в беспокойных кронах. Леся вытянула вперед руки, чтобы в темноте не наткнуться на дерево, и все пыталась вспомнить, с какой стороны растет на деревьях мох, словно бы направление ее испуганного, бездумного бегства могло что-то исправить.

Голова отзывалась болью на каждое движение измученного тела, но Леся не останавливалась. Ей казалось, что ветер гонит ее вперед, точно зная конечную цель. И когда он внезапно исчез, Олеся тут же остановилась сама, тяжело переводя дыхание.

Лес вокруг безмолвствовал. Деревья больше не шумели, злой ветер стих. И шепот, который Леся слышала сразу со всех сторон, пропал вместе с ним. Теперь в плотном ароматном воздухе можно было различить тихий стрекот зарослей. Над ними с уханьем пролетела птица. Леся успела разглядеть, как блеснули в темноте ее большие глаза.

«Неясыть», — услужливо подсказала память.

Высокий мужчина держит Лесю за руку. То ли он правда почти огромного роста, то ли сама Олеся, глядящая на него снизу вверх, — еще совсем маленькая.

— Смотри, — говорит мужчина, крупные зубы блестят в полутьме. — Там, за кустами! Видишь? Неясыть.

— Это сова. — Леся вспомнила, как смех щекотал ей горло, но она сдерживала его, боясь испугать крупную птицу, что тарасилась, не моргая, из колючей тьмы.

— Правильно, сова. — Он тянет руку и гладит Лесю по голове. — Сова-неясыть.

От его прикосновения, сильного, но осторожного, стало так спокойно, что темнота леса чуть отступила. Но воспо-

минание всколыхнулось липкой волной киселя, захлестнувшей и хмурую сову, и мужчину с крупными зубами и тяжелой ладонью.

Олеся застонала, машинально прижимая пальцы к источнику боли. Запекшаяся корка тут же лопнула, рана снова открылась, кровь заструилась по виску и дрожащим пальцам. Леся замутило, лес качнулся перед глазами, и вот она уже осела на холодный мох, не чувствуя мигом ослабевших ног.

«Волки чуют запах крови за несколько километров». — Грузная учительница в твидовом костюме стучит по доске указкой.

Олеся вспомнила, как томительно скучно было на уроках биологии, если их вела Наталья Додоновна, — кажется, так ее звали. Как клонило в сон от ее монотонного голоса. Как Витя Петров подбрасывал девочкам свернутые записочки, а те делали вид, что им это безразлично. Но краснели от ушей до корней волос.

Память всколыхнулась, смывая волной киселя Наталью Додоновну и острое чувство первого, совершенно безотчетного возбуждения, покрывавшего кожу мурашками, стоило бумажной записке упасть на ее, Олесину, парту.

Почему попытки вспомнить хоть что-то, кроме образов прошлых лет, вызывают тошноту и невыносимую ломоту во всем теле, Леся понимала смутно. Рана на виске пульсировала. Сил подняться не было. Леся попыталась крикнуть, но из пересохших губ вырвался только хрип.

— Если потеряешься в лесу, что нужно кричать? — В переливах света, мелькавшего между листвой, лица было не рассмотреть — только спутанную бороду и блестящие зубы.

— Ау..

Олеся тут же вспомнила и слово, и радость нахождения рядом с тем, кто ему учил.